

Д.К. Маслов

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ ЭКСПЕРТНОМУ ЗНАНИЮ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-78-10082).

Поднимается проблема доверия экспертам в свете скептических возражений Дж. Рисса и Секста Эмпирика. Указывается на разногласие, пристрастность и возможность обмана со стороны экспертов. Опираясь на концепции Л. Загзебски и А. Голдмана, демонстрируются основания для общего доверия свидетельствам других людей и доверия экспертам в частности. В свете критериев и понятия экспертизы выдвигается идея контроля со стороны других экспертов и возможность разногласия как условия доверия экспертам для выявления ошибок и злоупотребления.

Ключевые слова: социальная эпистемология; экспертное знание; свидетельство; свидетельское знание; эпистемическое разногласие; доверие.

Тема «экспертное знание» получила широкое освещение в исследованиях по социальной эпистемологии в последнее время, в частности, интерес вызывают проблемы эпистемического доверия в отношении свидетельского знания (*testimonial knowledge*) и эпистемического авторитета. Эти концепты являются основой понятия «экспертное знание».

Тотальное недоверие экспертам любой специальности может показаться бессмысленным, однако именно это явление можно широко наблюдать в современных условиях. Том Николс пишет в этой связи об американских политических реалиях: «Сегодня любое притязание на экспертное знание вызывает взрыв гнева со стороны определенных кругов американской общественности, которые незамедлительно жалуются на то, что такие утверждения суть не что иное, как ошибочная “отсылка к авторитету”, верный признак ужасного элитизма и очевидная попытка использования статуса эксперта для того, чтобы задушить диалог, необходимый для “реальной демократии”». Как верно отмечает Николс, результатом этого является то, что «в отсутствие действительных экспертов всякий является экспертом по любому вопросу» [1, см. также: 2]. Если Николс прав и социальный статус эксперта поставлен под сомнение, то этот эффект может иметь катастрофические последствия. Эксперты по праву суть производители и хранители знания. То, что знание истины есть необходимое условие для существования человечества, представляется убедительным, поскольку знание обеспечивает выживание и приспособление к условиям окружающей среды в процессе эволюции. При этом, если считать экспертов хранителями и производителями знания, отказ от доверия экспертам будет равняться отказу от знания и сознательному обскурантизму.

В настоящей статье мы хотим рассмотреть возражения против экспертного знания, вытекающие из политически мотивированной критики экспертов, которые воспроизводят скептические аргументы Секста Эмпирика и по сути ставят экспертное знание под сомнение. В частности, мы рассмотрим проблему обмана со стороны экспертов (раздел 1). Мы покажем основания для общей достоверности свидетельского знания (*testimonial knowledge*, т.е. знание с чьих-то слов), опираясь на современные исследования в области социальной эпистемологии (раздел 2), затем рассмотрим

понятие и критерии эксперта. Общее сомнение в экспертном знании не является убедительным, но может иметь место в свете конкретных аргументов, в частности проблемы обмана со стороны экспертов (раздел 3). В заключение мы выдвинем возможность разногласия как механизм выявления обмана и тем самым как негативное условие достоверности экспертного знания (раздел 4). Поскольку может быть установлена эпистемическая достоверность экспертного знания, а в дальнейшем предложены основания для придания политического авторитета экспертам.

1

Дж. Бреннан выступил с резкой критикой демократии и занял ясную позицию в пользу политического влияния экспертов, называя ее *эпистократией* [3]. По утверждению Бреннана, демократия в ее нынешнем виде является дефективной формой правления. Автор исходит из предпосылки, что только такая форма политического устройства может успешно функционировать и поэтому быть легитимной, которая обеспечивает функционирование политической системы согласно эпистемическим нормам. Следовательно, демократия может быть успешной и легитимной формой правления, если она совершается эпистемически компетентными политиками, которые избраны компетентными избирателями. Компетенции подразумевают, в данном случае, наличие базовых знаний в области политики и социальных наук. Поскольку это не имеет места, что автор обильно демонстрирует на основе эмпирического материала, свидетельствующего о безграмотности и внушаемости американского избирателя (что, по все видимости, касается не только США), демократия оказывается дефективным правлением и она должна быть заменена эпистократией.

Эпистократия подразумевает, что только эпистемически компетентные избиратели и политики могут участвовать в управлении и принятии решений, что должно обеспечиваться своего рода экзаменом на право участия в политической жизни. Такой избиратель должен продемонстрировать зрелое, информированное и обоснованное политическое суждение. В результате эпистократия представляет такую форму правления, которая управляется экспертами и основана на экспертном знании. (Это, в сущности, платоническое воззрение на политическое устройство.)

Дж. Рис (Reiss) выступил с критикой этой идеи, утверждая, что «экспертов нужно контролировать, а не предоставлять им больше власти» [4. Р. 191]. (Также подобной позиции придерживается Г. Оригги, предлагающая разграничивать политический и эпистемический авторитет и ограничить пагубное и *авторитарное* влияние экспертов на демократию, которых она понимает как технократов. В этом смысле она представляет аристотелевское понимание политического, перенятое через Х. Арндт. (см.: [5. Р. 160, 164]).

Рис предлагает следующую аргументацию в пользу данного решения: эксперты сами не обладают достаточным знанием, из чего следует, что они не могут претендовать на привилегированное положение в политическом отношении. Стоит отметить, что Рис говорит только о социальных науках вроде экономики и социологии, которые, несомненно, имеют политическую значимость, оставляя в стороне естественнонаучные дисциплины. Однако его аргументация идет еще далее и опровергает существование экспертного знания как такового. Один его аргумент подчеркивает продолжающееся и общее разногласие среди экспертов в социальных науках, что усугубляется тем, что каждый ученый придерживается догмы его собственной школы, в которой он прошел научную социализацию, тем самым демонстрируя пристрастность в пользу своих учителей [4. Р. 188]. Эти аргументы подрывают не только политический авторитет экспертов, но и показывают отсутствие знания в силу разногласия, считающегося признаком отсутствия знания. Это положение покоится на законе противоречия, согласно которому высказывание А и его отрицание не-А не могут быть истинными вместе.

Таким образом, разногласие принимает форму противоречия, при наличии которого вопрос не может считаться решенным. Где получено знание, нет разногласия. В результате Рис доказывает, что эксперты не могут претендовать на политически привилегированное положение в силу нехватки знания, поскольку их политический авторитет основан на эпистемическом. Тем самым Рис, по видимому, разделяет предпосылку Бреннана о том, что правление должно основываться на знании, однако находит опору на экспертов сомнительной. Получается, что если бы эксперты действительно обладали знанием (маркером чего являлось бы отсутствие разногласия), то они по праву претендовали бы на превосходство в политическом суждении и могли бы пользоваться не только эпистемическим, но и политическим авторитетом. Поскольку эксперты не соответствуют критерию знания, они должны быть ограничены в политическом отношении, и, судя по аргументу, поставлены под сомнение в эпистемическом. Ввиду политического злоупотребления эпистемического авторитета последний попадает под сомнение, поскольку такая критика со стороны современных исследователей мотивирована политической ролью экспертного знания.

Это рассуждение поразительно схоже с аргументами Секста Эмпирика, который использовал разногласие как основной аргумент для опровержения теорий античных философов и ученых (разногласие и пристрастие к своей школе, см.: [6. РН II 38]. Он

сформулировал аргументы против мудреца, чью фигуру можно рассматривать как аналог эксперта в античности с той разницей, что мудрец понимался как обладатель абсолютного и неопровержимого знания, в то время как современное понятие экспертного знания мыслится в рамках фаллибилизма и привязано к определенной области знания.

Тем не менее я опушу эту разницу и буду говорить об эксперте в современном смысле как обладателе погрешимого и привязанного к определенной области знания. Мы рассмотрим еще один аргумент Секста. Этот аргумент утверждает, что даже если допустить, что мудрец действительно располагает знанием, то это не означает, что мы должны доверять эксперту, поскольку он может нас обмануть, находясь в своем привилегированном положении [6. РН II 42]. Мудрец знает истину, в то время как мы можем опереться только на свидетельство мудреца, при этом мы не можем проверить и сравнить его свидетельство с истиной, и здесь кроется возможность для обмана. Что, если он решит нас обмануть по какой-либо причине? Здесь можно дополнительно указать на место в «Государстве» Платона, где говорится о благородной лжи (миф о происхождении) с целью устройства благого полиса [7. *Rep.* III 414e–15c].

В результате встает проблема эпистемического доверия экспертам и обоснование эпистемического авторитета в целом. Рассмотрим общие основания знания с чьих-то слов, или свидетельского знания (*testimonial knowledge*).

2

Экспертное знание является разновидностью более широкого концепта – свидетельского знания (*testimonial knowledge*). Точный и дословный перевод понятия «*testimony*» и производных от этого термина понятий «*testimonial evidence*», «*testimonial knowledge*», сложившихся в англоязычной практике, на русский язык затруднителен, поскольку отсутствует слово, имеющее точно такой же семантический ряд и позволяющее унифицированное употребление этого термина и его производных. К. Карпов при переводе статьи Дж. Греко предложил термин «свидетельские данные» для перевода *testimonial evidence*, «свидетельство» для *testimony* [8], что можно понимать по аналогии со свидетельскими показаниями очевидца в суде. Русское слово «свидетельство» охватывает семантику обоих англоязычных терминов – *testimony* и *evidence*, – и таким образом получается неблагозвучная в русском языке тавтология «свидетельское свидетельство». Мы последуем этому варианту перевода.

Свидетельское знание – это знание понаслышке, с чьих-то слов, т.е. со слов очевидца (А. Голдман называет такие свидетельства социальными (см.: [9. Р. 14]). Как отмечает Р. Фьюмертон: «Отодвигая в сторону скептические замечания, почти трюизмом представляется тезис, что большая часть наших убеждений основана на свидетельствах других людей» [10. Р. 77]. В широком смысле, согласно Фьюмертону, такое свидетельство есть «любое искреннее утверждение одного человека для использования другими людьми... Утверждение может быть устным или письменным,

формальным, данным под клятвой или же в контексте повседневного разговора» [10. Р. 77]. Важно отметить, что свидетельские данные являются *эксплицитным* актом, при котором один человек сообщает другому, что положение *p* истинно, поскольку существуют и другие, неосознанные или невольные способы трансляции информации. Л. Загзебски понимает свидетельство как один из видов эпистемического авторитета среди других, при котором эпистемический авторитет может указывать на то, что он верит (или мы можем считать его веру), что *p* истинно не с помощью прямого утверждения, но через поведение или определенный поступок [11. Р. 131]. Получается, что свидетельские данные являются убедительным аргументом в пользу истинности некоторого положения *p*, поскольку нам об этом прямо сообщает информант.

Существует два основных подхода к свидетельским данным среди исследователей: редуктивный и анти-редуктивный [12. Р. 66–68]. Редукционисты (позиция восходит к Юму, сегодня представлена Э. Фрикер) полагают, что свидетельские данные могут тогда считаться знанием, если они основаны на индуктивном или эмпирическом свидетельстве, составляющем ядро его достоверности. В случае отсутствия индуктивного свидетельства свидетельские данные не будут достойными доверия и не будут считаться знанием.

Анти-редукционисты (позиция восходит к Т. Риду, сегодня представлена Л. Загзебски, Т. Коуди) полагают, что свидетельство не должно сводиться к индуктивным свидетельствам и является самостоятельным источником познания, поскольку оно обоснованно в силу доверия словам персоны, сообщающей нам сведения. Голдман и Бланшар отмечают: «Анти-редукционисты считают, что свидетельские данные сами являются базовым источником обоснования. Неважно, как мало позитивных свидетельств о надежности и искренности конкретного информанта или всех людей в целом имеет реципиент, он *prima facie* оправдан в своей доверии к информанту» [13].

Доверие другим людям и убежденность в их искренности делает свидетельские данные надежным, обоснованным источником знания: «Говоря точнее, обоснование с чьих-то слов укоренено в том факте, что информант берет на себя ответственность за истину его утверждения и приглашает слушателя доверять ему» ([13], мы опустили упоминания других авторов в тексте). Хотя множество сциентистски настроенных философов предпочтут первую альтернативу как очевидную, с точки зрения эпистемологии ситуация не представляется однозначной. Анти-редукционизм как теоретическая позиция был разработан на том основании, что силу свидетельских данных составляет именно доверие к информанту, а не содержание этого свидетельства, и поэтому свидетельство является существенным основанием знания такого рода. Как в другой работе отмечает А. Голдман, сторонники такой интерпретации «принимают такого рода позицию отчасти в силу очевидной [эпистемологической] безнадежности редукционистской или индуктивистской альтернатив. Ни дети, ни взрослые, по-видимому, не располагают достаточным ко-

личеством свидетельств на основании их личных восприятий или памяти для того, чтобы сделать убедительным индуктивный вывод к надежности свидетельских данных» [14. Р. 111].

Эти два подхода приводят нас к проблемам эпистемической автономии и авторитета, которые лежат в центре свидетельского знания. Редуктивная модель свидетельства очевидца утверждает, что только эмпирические свидетельства являются знанием, и роль свидетельства сводится, таким образом, к распространению уже полученного знания. В этом отношении свидетельство выступает источником возможных ошибок и отклонений, угрожающих строгости и обоснованности знания (как в игре «глухой телефон»).

Это приводит нас к идее эпистемической автономии, которая в идеале позволяет исключить ошибки, возникающие при передаче знания, при отказе от свидетельств других людей. Принцип эпистемической автономии гласит, что познающий агент должен полагаться только на свои когнитивные способности и (эпистемически) доверять только себе. Крайняя версия такого подхода была сформулирована Э. Фрикер следующим образом: «Полностью автономный познающий агент (knower) не примет ни одну пропозицию [за истинную], если только он сам обладает свидетельством (evidence), устанавливающим ее истинность. Таким образом, он не примет ничего на основании слов других людей, даже если он располагает свидетельствами их надежности по рассматриваемому вопросу» [15. Р. 225, ср. 11, 16. Р. 52]. Умеренная версия эгоизма сформулирована Л. Загзебски так, что эпистемический эгоист только в том случае будет доверять кому-либо, если другой человек выдерживает оценку со стороны способностей и стандартов этого эгоиста [11. Р. 54–55]. Основанием для этого является то, что мы можем доверять только своим эпистемическим способностям, с помощью которых можем оценивать эпистемическую достоверность других.

Однако эпистемический эгоизм представляется слабой альтернативой свидетельскому знанию. Загзебски настаивает, что даже сравнительно приемлемый вариант умеренного эпистемического эгоизма не выдерживает критики (см. также: [16]). Она построила аргумент исходя из эпистемического эгоизма и показала, что будет разумным и целесообразным принять эпистемический авторитет для достижения своих собственных (эпистемических) целей, без навязывания авторитета извне. Загзебски выделила принципы, обосновывающие авторитет свидетельствования, и именно ему нужно доверять поскольку: 1) «более вероятно, что я удовлетворю мое желание получить истинные мнения и избежать ложных, если я верю в то, что говорит авторитет, чем если бы я сам пытался выяснить, во что верить», и 2) если это свидетельство очевидца «выдержит мою сознательную саморефлективную проверку лучше, чем если бы я сам пытался выяснить, во что мне верить» [11. Р. 133].

Таким образом, эпистемический авторитет помогает нам достичь желанной цели – истинных мнений, так что мы можем сохранить эти мнения и после саморефлективной проверки: «Мы должны принять опреде-

ленные личности и сообщества как эпистемический авторитет. Это традиционное заключение не нарушает нашу автономию, и является в действительности рациональным требованием автономии» [11. Р. 252].

Свидетельское знание является более обоснованным концептом по сравнению с эпистемическим эгоизмом, поскольку лучше позволяет достичь эпистемические цели с меньшим количеством усилий. Таким образом, если мы желаем достичь истины, нам следует принять, что авторитет свидетельств других людей надежен в общем. Эпистемический эгоизм представляется невыгодной позицией для достижения знания, поскольку при его последовательном применении объем знания конкретного человека знания существенно уменьшится [15. Р. 227]. Таким образом, можно заключить, что общее доверие к свидетельскому знанию оправдано и мы можем в целом опираться на свидетельства других людей, являющихся достоверными и выполняющих условия для доверия, если только отсутствуют опровергающие их свидетельства данные. Перейдем теперь к частному случаю свидетельского знания – экспертному знанию.

3

Хотя мы в целом можем полагаться на свидетельства других людей, можно представить множество ситуаций, в которых степень нашего эпистемического доверия к другим будет различаться в зависимости от их когнитивных способностей, обстоятельств получения свидетельства, применяемого метода и т.д. Э. Фрикер говорит в этом отношении о сильном и слабом «уважении» к информанту (*deference*) [15. Р. 233]. О «слабом уважении» можно говорить в тех случаях, когда мы узнаем от кого-то, что *p*, без предварительного мнения по поводу *p*. Такое привилегированное положение информанта не является устойчивым и не создает прочного эпистемического авторитета. Допустим, я не знаю, как сыграла моя любимая футбольная команда вчера ночью, поскольку не посмотрел трансляцию и не имел возможности купить спортивную газету с утра или посмотреть результат в интернете. Я встречаю своего друга, который купил спортивную газету и узнал результат, хотя он делает это нечасто. В этом отношении я нахожусь в эпистемически зависимом положении и буду доверять своему другу в этом вопросе, однако это положение может измениться, если в следующий раз я куплю газету с результатами, а он – нет.

«Сильное уважение» предполагает, напротив, что реципиент сообщения меняет свое прежде существовавшее мнение ввиду прочного и лучшего эпистемического положения информанта, чье сообщение с очень высокой вероятностью является знанием. Здесь речь идет о *преимущественном* (*preemptive*) свидетельстве очевидца, что *p*, которое перевешивает все прочие свидетельства как против мнения *p*, так и делает излишними иные свидетельства в пользу *p*. Оно само по себе является достаточным основанием для принятия мнения, что *p* [11. Р. 102]. С. Райт оспаривает, что преимущественное свидетельство должно исключать другие свидетельства и предлагает их совместное использование [17]. Представим, что я интересовался

футболом и потом потерял интерес. В то же время мой друг постоянно интересовался футбольными новостями, следил за выступлением команд, получал сведения о состоянии команд и их игроков и т.д. Если бы мы с ним встретились посмотреть матч знакомых мне и ему команд, я мог бы иметь предварительное мнение, что команда А выиграет, поскольку на моей памяти она была сильной командой, в то время как ее противник, команда Б, была на моей памяти была аутсайдером. Однако мой друг утверждает обратное и говорит, что команда Б скорее выиграет. Поскольку мой друг интересуется футболом и следит за новостями, обоснованным будет отбросить свое изначальное мнение и принять противоположное ему на основании свидетельства моего друга (в этом примере речь идет о прогнозе, имеющем вероятностный характер, что связано со спецификой спорта). Основание для моей смены убеждений состоит в «сильном уважении» к прочному эпистемическому преимуществу моего друга по сравнению со мной.

Таким образом, «сильное почтение» отражает прочный эпистемический авторитет, и такой тип авторитета можно в целом назвать экспертным знанием. Кто является экспертом? В разных дисциплинах это понятие определяется по-разному, в частности, социологи и социальные мыслители зачастую определяют эксперта по наличию статуса или репутации эксперта [4. Р. 161]. Эта точка зрения имеет право на существование, однако она не является универсальной. Эпистемологи, напротив, настаивают на принципиальной связи экспертизы с истиной, в чем и состоит смысл *episteme*. Экспертное знание является производным от познания истины, а не истина суждений выводится из положения эксперта (как это можно встретить, например, у М. Фуко).

В частности, А. Голдман говорит о «веритической» (*veritistic*) концепции экспертизы, подразумевающей, что эксперты действительно обладают знаниями о мире [14. Р. 114]. Он предлагает следующее определение: «можно сказать, что экспертом (в строгом смысле) в области *D* является тот, кто обладает широкими познаниями (истинными мнениями) и набором умений или методов для уместного (*apt*) и успешного применения этого знания для решения новых вопросов в этой области. Любой стремящийся быть (когнитивным) экспертом в конкретной области будет претендовать на владение таким знанием и набором методов, и также будет утверждать, что располагает истинными ответами на обсуждаемые вопросы на основании его знания и методов» [14. Р. 115–116].

Таким образом, быть экспертом означает владеть существенным объемом истинных мнений и методами для их обоснованного производства, так что знание будет результатом применения метода, а не случаем эпистемической удачи и тем более делом репутации.

На каких основаниях мы доверяем экспертам и рассматриваем их как авторитет в контекстах истинных мнений? Отсылка к мнению эксперта часто категорически критикуется как ошибка в рассуждении. Однако это неверно. Правильно сделанная отсылка к

мнению эпистемического авторитета является логически верным (valid) рассуждением, так что останется только проверять истинность посылок во избежание ошибки. А. Керен утверждает, что именно авторитет является основой достоверности мнения [18. Р. 377]. В рассуждении отсылка к экспертному мнению может быть ошибочной, только если эксперт не обладает эпистемическим авторитетом, т.е. скомпрометировал себя или вообще не является экспертом. В курсах по формальной и неформальной логике авторы подчеркивают это [19. Р. 61; 20. Р. 360], хотя и отмечают, что вполне возможны случаи злоупотребления эпистемическим авторитетом [20. Р. 361].

Отображает ли данное определение основание для доверия экспертам? В общем и целом да, особенно в случае отсутствия сведений против достоверности эксперта и свидетельств, опровергающих его рассуждения. Экспертное знание является знанием преимущественно, и только благодаря экспертам представители широкого, неэкспертного сообщества могут получить доступ к научному знанию. В результате общее недоверие к экспертам в силу общей достоверности свидетельского знания и привилегированной эпистемической позиции экспертов неоправданно и может покоиться только на частных основаниях и связано с лишением статуса эксперта. При этом встает вопрос о выявлении эксперта, который бы соответствовал понятию эксперта и демонстрировал взвешенное суждение.

4

В представленном выше аргументе Секста Эмпирика, по используемым им стандартам, подчеркивалось невыгодное эпистемическое положение дилетанта по сравнению с экспертом, причем в результате этого положения для дилетанта исключалась возможность проверить эксперта, из чего следовал вывод о недоверии эксперту. Этот аргумент сопровождался отсылкой к общему состоянию разногласия, причем оно мыслилось как признак провалившихся попыток познания, ведь при удавшемся познании доказательство должно обладать непроверяемой убедительной (прежде всего эпистемической, а не только психологической) силой. Поскольку на фоне столь сильных метафизических предпосылок общий консенсус на таких условиях практически невозможен, Секст выводил скептические следствия и вынуждал философов признать свои попытки познания провальными. Однако современные социальные эпистемологи исходят из других предпосылок, в частности, они оставляют общую скептическую проблему в стороне и полагают, что мы можем познавать, исследуя при этом рациональные стратегии и нормативное поведение познающих агентов, на этой основе формулируя эпистемологические принципы. Мы можем познавать на основе здравого смысла и индуктивных свидетельств, равно как и опираясь на научные в широком смысле, академические дисциплины.

В ответ на вопрос, почему эксперт может сознательно вводить нас в заблуждение в области его знаний, может прийти в голову множество возможных мотивов. Хотя эксперты достойны доверия, существует ряд условий этого доверия и, соответственно, слу-

чай, когда эксперты не оправдывают доверия. В частности, эксперт может иметь финансовый интерес при публикации исследования или заявления по некоторому вопросу, так что он получит материальную выгоду от искажения информации, к примеру, в пользу некоей корпорации (можно вспомнить многочисленные исследования о пользе вина и кофе, или исследования о безвредности сахара и колы и т.д., которые зачастую финансируются производителями этих продуктов). Далее, эксперт может быть движим политическими (идеологическими) мотивами и скрывать истину в пользу своей партии, «для общего блага», или же может фальсифицировать результаты исследования для создания репутации и получения институциональной должности, сопряженной с влиянием, властью и финансовой выгодой. Было бы ошибкой верить эксперту, который не соответствует стандартам этики знания и не является искренним, вводя публику в заблуждение; в этом отношении задача состоит в том, чтобы выявить возможный конфликт интересов, материальную заинтересованность эксперта, равно как и невольные ошибки. Не менее серьезной ошибкой со стороны публики является придание эпистемического авторитета ложному эксперту.

Для выявления возможного обмана со стороны эксперта или группы экспертов нужны механизмы, которые также позволили бы обоснованно понизить или лишить их эпистемического статуса. Эти механизмы во многом совпадают с критериями для определения подлинного эксперта. А. Голдман предложил следующие критерии, позволяющие дилетанту определить, кто с основанием может считаться экспертом (сам Голдман назвал это проблемой новичка и двух экспертов). Это:

(А) Аргументы, представляемые экспертом для защиты своей позиции и критики других позиций.

(Б) Соглашение со стороны других заслуживающих доверия экспертов по рассматриваемому вопросу.

(В) Оценка со стороны мета-экспертов.

(Г) Свидетельства пристрастности и предвзятости эксперта.

(Д) Учет прошлых достижений и ошибок эксперта (track-record) [14. Р. 116].

Из этого списка критериев становится ясно, что решающую роль играет экспертное сообщество. Сообщество и его члены неизбежно заключены в так называемую «добродетельную петлю» (virtuous loop), на что указал К. Лерер. Для оценки достоверности кого-либо, нам нужно для начала оценить нашу собственную достоверность с точки зрения эпистемических стандартов сообщества, к которому мы принадлежим. Иными словами, основным источником сведений о нашей достоверности являются свидетельства других людей, которые должны были изначально оцениваться [21. Р. 151]. Такая петля не является нарушающей эпистемические стандарты, скорее, она является неизбежным условием их функционирования вообще, поскольку обеспечивает взаимную оценку достоверности в согласии с нормами сообщества.

Общественная сторона познания представляется естественной, поскольку знание не создается одиночками, оторванными от общества и его интересов людей

ми. Это распространяется и на отношения внутри экспертного сообщества, на производство, сохранение и распространение знаний. Экспертное сообщество несет функцию рефлексивного контроля действий своих представителей согласно принятым стандартам. Это обстоятельство обеспечивает проверку экспертами со стороны других экспертов на предмет нарушения стандартов, а также в редких случаях хорошо подготовленными дилетантами или получившими достаточное образование, но не принадлежащими к экспертному сообществу людьми. (В этом отношении ярким примером является А. Эйнштейн, который сразу после обучения не смог продолжить научную карьеру и лишь позже, после опубликования своих революционных работ, вошел в научное сообщество. Даже до принятия в научное сообщество он, формально не будучи экспертом, мог выполнять экспертные функции.)

Мы полагаем в этой связи, что возможность разногласия является условием доверия к экспертам. Разногласие со стороны других экспертов и оппонентов позволяет выявить сознательные нарушения и возможные в работе эксперта. У. Синнот-Армстронг и Р. Фогелин приводят случай, когда один ученый сознательно сфальсифицировал результаты своего эксперимента для доказательства своей гипотезы. В частности, ученый выдумал эксперименты над 50 парами идентичных близнецов, разделенных в раннем возрасте и выращенных в различных социальных условиях, для того чтобы доказать генетическую детерминированность интеллектуальных способностей [20. Р. 363]. В результате разногласия со стороны других исследователей, указавших на удивительно высокое число разлученных близнецов, был вскрыт подлог – эксперимент оказался полностью сфальсифицирован.

Экспертное сообщество является разнородным по существу, даже в пределах одной дисциплины. Эксперты занимают различные точки зрения и находятся в ситуации диспута, полемизируя между собой о решаемых ими вопросах. Тем не менее каждый диспут и разногласие имеют в качестве основания широкое согласие по поводу эпистемических методов и стан-

дартов оценки, на что (в применении к философии, однако сферу действия этого принципа можно расширить до границ всего знания) указывает Д. Олсон [22].

Разногласие можно мыслить в отношении спорных вопросов, где существует рациональное разногласие, а также в отношении решенных. В первом случае (1) разногласие может указывать на поспешность научного утверждения или недостаточность доказательной базы некоторой теории. В этом отношении разногласие снижает уровень достоверности высказываний эксперта, но не его эпистемический авторитет, поскольку невольная ошибка или ошибочное предположение (если такие не являются правилом) не исключены у любого, даже лучшего эксперта.

Другой случай (2) разногласия выполняет скорее контрольную функцию, когда разногласие приводит к выявлению нечистоплотности эксперта и снижению его уровня доверия к нему. Ошибочный или намеренно сфальсифицированный результат экспертной деятельности может быть выявлен или разоблачен со стороны других экспертов, что касается содержания и примененных методов исследования, а также со стороны подготовленных дилетантов и экспертов в отношении источников пристрастия. Условием такой функции разногласия является проверяемость научных результатов со стороны экспертного сообщества.

Тем самым создается основание для выявления возможного обмана, которое обретает форму разногласия с последующим установлением истины или же констатацией невозможности разрешить проблему к этому моменту времени. Разногласие (1) предстает в виде точки прироста нового знания. Разногласие (2) выступает в роли индикатора возможных проблем и выявления ошибок или обмана после надлежащей проверки. С этой точки зрения возможность разногласия выступает в виде негативного условия экспертного познания. (Однако, здесь необходимо принять допущение о наличии целого сообщества, обладающего надежными методами выявления истины, которые способны осуществить функцию контроля и создать ситуацию разногласия.)

ЛИТЕРАТУРА

1. Nichols T. The Death of Expertise. 2014. URL: <https://thefederalist.com/2014/01/17/the-death-of-expertise/>
2. Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. М. : Бомбора, 2019.
3. Brennan J. Against Democracy. Princeton University Press, 2016.
4. Reiss J. Expertise, Agreement, and the Nature of Social Scientific Facts or: Against Epistocracy // *Social Epistemology*. 2019. Vol. 33, № 2. P. 183–192.
5. Origgi G. What Is An Expert That A Person May Trust Her? Towards A Political Epistemology Of Expertise // *Humana. Mentis. Journal of Philosophical Studies*. 2015. Vol. 28. P. 159–168.
6. Секст Эмпирик. Пирроновы основоположения // *Сочинения в двух томах / общ. ред. А.Ф. Лосева; пер. с древнегреч.* М. : Мысль, 1976. Т. 2.
7. Платон. Государство // *Сочинения в трех томах.* М.: Наука, 1971. Т. 3, ч. 1.
8. Греко Дж. Свидетельство и передача религиозного знания // *Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 53, № 3. С. 19–47.
9. Goldman A. A guide to Social epistemology // *Social epistemology. Essential readings / Ed. by A. Goldman and D. Whitcomb.* New York : Oxford University Press, 2011. P. 11–37.
10. Fumerton R. The Epistemic Role of Testimony: Internalist and Externalist Perspectives // *The Epistemology of Testimony / Ed. by J. Lackey, E. Sosa.* Oxford : Clarendon Press, 2006. P. 77–92.
11. Zagzebski L. Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief. Oxford : Oxford University Press, 2012. 279 p.
12. Gelfert A. Beyond The 'Null Setting': the Method of Cases in the Epistemology of Testimony // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 2. P. 60–76.
13. Goldman A., Blanchard T. Social Epistemology. 2015. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/epistemology-social/>
14. Goldman A. Experts: Which one should you trust? // *Social epistemology. Essential readings / Ed. by A. Goldman, D. Whitcomb.* New York : Oxford University Press, 2011. P. 109–133.

15. Fricker E. Testimony and Epistemic Authority // *The Epistemology of Testimony* / Ed. by J. Lackey, E. Sosa. Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 225–250.
16. Загзевски Л. Эпистемический авторитет: современная либеральная защита // *Эпистемология и философия науки*. 2017. Вып. 53, № 3. С. 92–107.
17. Wright S. Epistemic authority, epistemic preemption, and the intellectual virtues // *Episteme*. 2016. Vol. 13, № 4. P. 555–570.
18. Keren A. Epistemic Authority, Testimony and The Transmission of Knowledge // *Episteme*. 2007. Vol. 4, № 3. P. 368–381.
19. Gensler H. Introduction to Logic. 2nd Ed. New York : Routledge, 2010. 420 p.
20. Sinnott-Armstrong W., Fogelin R. Understanding Arguments. Introduction to Informal Logic. 8th Ed. Wadsworth Cengage Learning, 2010. 560 p.
21. Lehrer K. Testimony and Trustworthiness // *The Epistemology of Testimony* / Ed. by J. Lackey, E. Sosa. Oxford : Clarendon Press, 2006. P. 145–159.
22. Olson D. Epistemic Progress Despite Systematic Disagreement // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 2. P. 77–94.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 16 ноября 2019 г.

Trust in Expert Knowledge

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 63–70.

DOI: 10.17223/15617793/453/8

Denis K. Maslov, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: denn.maslov@gmail.com

Keywords: expert knowledge, testimony, testimonial knowledge, epistemic disagreement.

This study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-78-10082.

The article considers the problem of trust in experts as knowers. The problem is construed in the light of the affirmation and criticism of expert knowledge in the political aspect. J. Brennan seeks to show the need for a political system in which only epistemically competent agents may participate in political life. The reason for his argument is that nowadays the people (Americans) are mostly uneducated to be able to make political decisions, which could have grave consequences. In contrast, the concept of expert examination is criticized, this criticism seeks to deprive experts of political authority and thereby protect the egalitarian democratic system. These argument patterns reproduce similar stances endorsed by Plato and Aristotle, who respectively promoted the rule of knowers and the rule of polis as ensemble of citizens, not only experts. In particular, the arguments of J. Reiss are examined, which emphasize the disagreement among experts and the bias of experts. As the author argues, these arguments reproduce the thoughts of Sextus Empiricus against the trust in the sage. Given the general direction of such criticism, an argument is also brought showing the possibility of deception on the part of experts as a basis for mistrust (Section 1). In the face of such a problematic field, the author wants to show the grounds for epistemic trust in experts and avert these objections, based on the results of analytic social epistemologists. Expert knowledge is based on the concepts “testimony” and “epistemic authority”, which are discussed in Section 2. Two approaches to evidence are presented in the light of the apparent antinomy of authority and autonomy. Based on the arguments of Linda Zagzebski, it is shown that the epistemic agent has sufficient grounds for trusting the testimonies of other people, since epistemic egoism as an extreme version of autonomy significantly limits our knowledge, and also since we are warranted to trust the testimony of epistemic authority if this allows us to better achieve our epistemic goals. Section 3 presents the concept and criteria of an expert put forward by Alvin Goldman, which help distinguish a true expert from a false one. These criteria presuppose an expert community that allows monitoring the activities of experts and depriving them of their expert status in case of violation of research ethics. In particular, it is emphasized in Section 4 that the possibility of disagreement is a condition of trust in experts, since it allows to identify errors and abuses by experts.

REFERENCES

1. Nichols, T. (2014) *The Death of Expertise*. [Online] Available from: <https://thefederalist.com/2014/01/17/the-death-of-expertise/>.
2. Nichols, T. (2019) *Smert' ekspertizy: kak internet ubivaet nauchnye znaniya* [The Death of Expertise: The Campaign Against Established Knowledge and Why It Matters]. Translated from English by T. L. Platonova. Moscow: Bombora.
3. Brennan, J. (2016) *Against Democracy*. Princeton University Press.
4. Reiss, J. (2019) Expertise, Agreement, and the Nature of Social Scientific Facts or: Against Epistocracy. *Social Epistemology*. 33 (2). pp. 183–192.
5. Origg, G. (2015) What Is an Expert That a Person May Trust Her? Towards A Political Epistemology Of Expertise. *Humana. Mente. Journal of Philosophical Studies*. 28. pp. 159–168.
6. Sextus Empiricus. (1976) *Pironovy osnovopolozheniya* [Pyrrhic Foundations]. In: Losev, A.F. (ed.) *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
7. Plato. (1971) *Gosudarstvo* [Republic]. In: Losev, A.F. & Asmus, V.F. (eds) *Sochineniya v trekh tomakh* [Works in Three Volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 3. Pt. 1. Moscow: Nauka.
8. Greco, J. (2017) Testimony and the Transmission of Religious Knowledge. Translated from English by K.V. Karpov. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 53 (3). pp. 19–47. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201753344
9. Goldman, A. (2011) A guide to Social epistemology. In: Goldman, A. & Whitcomb, F. (eds) *Social Epistemology. Essential Readings*. New York: Oxford University Press. pp. 11–37.
10. Fumerton, R. (2006) The Epistemic Role of Testimony: Internalist and Externalist Perspectives. In: Lackey, J. & Sosa, E. (eds) *The Epistemology of Testimony*. Oxford: Clarendon Press. pp. 77–92.
11. Zagzebski, L. (2012) *Epistemic Authority: A Theory of Trust, Authority, and Autonomy in Belief*. Oxford: Oxford University Press.
12. Gelfert, A. (2019) Beyond The ‘Null Setting’: the Method of Cases in the Epistemology of Testimony. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 56 (2). pp. 60–76. DOI: 10.5840/eps201956230
13. Goldman, A. & Blanchard, T. (2015) *Social Epistemology*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/epistemology-social/>
14. Goldman, A. (2011) Experts: Which one should you trust? In: Goldman, A. & Whitcomb, F. (eds) *Social Epistemology. Essential Readings*. New York: Oxford University Press. pp. 109–133.
15. Fricker, E. (2006) Testimony and Epistemic Authority. In: Lackey, J & Sosa, E. (eds) *The Epistemology of Testimony*. Oxford: Clarendon Press. pp. 225–250.
16. Zagzebski, L. (2017) Epistemic Authority: Modern Liberal Defense. Translated from English by K.V. Karpov. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 53 (3). pp. 92–107. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201753350

17. Wright, S. (2016) Epistemic authority, epistemic preemption, and the intellectual virtues. *Episteme*. 13 (4). pp. 555–570.
18. Keren, A. (2007) Epistemic Authority, Testimony and The Transmission of Knowledge. *Episteme*. 4 (3). pp. 368–381.
19. Gensler, H. (2010) *Introduction to Logic*. 2nd ed. New York: Routledge.
20. Sinnott-Armstrong, W. & Fogelin, R. (2010) *Understanding Arguments. Introduction to Informal Logic*. 8th ed. Wadsworth Cengage Learning.
21. Lehrer, K. (2006) Testimony and Trustworthiness. In: Lackey, J. & Sosa, E. (eds) *The Epistemology of Testimony*. Oxford: Clarendon Press. pp. 145–159.
22. Olson, F. (2019) Epistemic Progress Despite Systematic Disagreement. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 56 (2). pp. 77–94. DOI: 10.5840/eps201956231

Received: 16 November 2019